

Марина
БОЛДОВА

**ЭНДШПИЛЬ
С БРИЛЛИАНТОВЫМ
КОНЕМ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Б79

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Издание подготовлено при участии литературного агентства
«Флоберрум»

Оформление — *В. Давлетбаева*

Болдова, Марина.

Б79 Эндшпиль с бриллиантовым конем : [роман] /
Марина Болдова. — Москва: Издательство АСТ,
2026. — 320 с. — (Семейный детектив).

ISBN 978-5-17-184692-3

Предательство жениха и подруги заставляет Аксиною покинуть столицу, оставить бизнес и вернуть в родной город. Но здесь ее ждет еще один горький сюрприз: отец, к которому она едет, поселил в их доме семью своей любовницы, ей места там нет. Она уходит. В тот же день погибает отец, а Аксинья обнаруживает у себя среди вещей фигурку шахматного коня, украшенного драгоценными камнями и золотом, которую раньше никогда не видела.

УДК 821.161.1.-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-184692-3

© Болдова М., 2026
© ООО «Издательство «АСТ», 2026

Майор Костин оформлял протокол осмотра места происшествия, машинально записывая то, что говорил судебный медик. Он впервые за время работы следователем СК был ранее знаком с жертвой. И очень жалел об этом...

Прохладный летний ветерок слегка шевелил тонкую сетчатую шторку, закрывающую выход на балкон. До стола, за которым сидел хозяин кабинета, холодок не добирался, и Федору было душно в белой футболке, туго обтягивающей грудь. Он пытался думать, но четкие поначалу размышления буквально через минуту спутывались в клубок, тот становился все больше, словно какая-то невидимая рука все наматывала и наматывала на основу тонкие нити. Получалось то, что называют наваждением. Федор тряс головой, прогоняя его, на миг становилось легче, он тут же брал в руки стакан и выпивал залпом содержимое. Забросив вслед кусочек шоколада, откидывался на подголовник офисного кресла. После, расслабленно развалившись, уже без всяких мыслей смотрел на потолок кабинета через мутное стекло стакана. Лепнина в центре, под хрустальной люстрой, восста-

новленная реставратором, расплывалась в причудливые волны, он по очереди прищуривал то один глаз, то другой, создавая оптическую иллюзию движения. Зачем? Он не смог бы ответить, спроси его об этом хоть кто-то. Но в этом старинном особняке, выкупленном им под офис его компании, он сейчас был один. Не считая охранника на первом этаже.

Федор только что допил вторую бутылку игристого, последние несколько глотков дались с трудом — он не любил какие бы то ни было шипучки от лимонада до шампанского. Но сейчас ему было все равно, что пить, лишь бы булькали градусы. Потому что не только стакан был мутным, захватанным пальцами, измазанными подтаявшим шоколадом, но также липко-мурорно было на душе.

Он никогда не думал, что вот так сможет поступить... Всю жизнь своих подруг от их с дочкой маленькой семьи держал на расстоянии, а тут влюбился. Думал, Ксю поймет, лет-то ему уже сколько! Это же последняя его любовь, как последний вздох. Да и живет дочь в Москве, все хорошо у нее. А она вдруг сегодня вернулась. И вышло так, что он дочь предал...

Застрелился бы, если б греха смертного не боялся. Греха самоубийства. Остановило и то, что вспомнил — было уже, почти двадцать лет назад — хотел вот так же с жизнью расстаться. Выходит, слаб он? Раз вспомнил...

Федор любил свою молодую жену до дрожи, трепетал перед ней, оттого и больно было от ее измены так, что закрыв за ней дверь, решил уйти из жизни. Уже до-

стал травмат из ящика стола, приставил к виску — разнесет полбашки, даже не сомневался! Но тут взглянул в зеркало в рост, стоявшее рядом у стены, и вдруг заржал, как ненормальный, до того паршиво смотрелся на фоне бледно-розовых занавесочек с рюшами на окне их спальни. Прямо как раз за его спиной. Всклопоченный небритый мужик, смуглый, как цыган, в трениках «Адидас» и с голым волосатым торсом. Обезьян с гранатой. Нет, с травматом!

Кинул оружие обратно в ящик, ключ повернул и бросил его в причудливой формы вазочку, которую «оседлал» гипсовый ангелок с крылышками. Указательным пальцем зачем-то погладил пухлого младенца по голове, и это нехитрое действие неожиданно успокоило. Федор чертыхнулся, подмигнул своему отображению в зеркале и отправился в душ... Настолько сильны были эмоции, что запомнил каждое свое движение, каждую мысль и ту единственную слезу, выкатившуюся из глаза то ли от досады, то ли от страха из-за того, что чуть не натворил.

Стоял под тугими струями воды и уговаривал себя — на кой ляд терпел?! Какого ляха он, бывший детдомовский пацан, всю молодость дравшийся насмерть за место под солнцем, влюбился в эту избалованную профессорскую дочку? Пианистку, так ее! Как случилось-то? Увидел, остолбенел и поплелся за ней, только бы не выпустить из виду. Марьяна шла с подружкой впереди, а он, словно замороженный этой неземной красоты принцессой, вдыхал «шлейф» ее духов. Заговорил, лишь когда понял, что встали они втроем у подъезда дома, где девушка живет.

Теперь этот запах ему казался приторно-тошнотворным!

Ему уже тогда насторожиться бы — бабе почти двадцать, а она вся в розовом, словно кукла. Розовыми были и укороченные сапожки, и легкая курточка, и юбка-плиссе. В руке — такая же сумочка в тон. И заколки в волосах в виде розовых же розочек. Рядом подружка — нормально одетая, высокая девица в джинсах и кожанке. Ее отметил только мельком, лица не запомнил. Позже, на свадьбе, даже знакомился заново.

Сам свадебный банкет помнил смутно. Но Марьяна, ее улыбка, первый танец с ней и ее щебет ему на ухо запомнил четко. Недавно, глядя на фотографии, отметил, что даже в свадебном платье она была похожа на крем-вый торт. Но тогда Федор млел — до чего хороша его бледнолицая невеста! Какая разница, в каком платье?! Он ее... разденет скоро, вот только дождаться бы, когда отпустят их с тягостного свадебного банкета в его квартиру. Пусть и в двадцатиметровую «гостинку» в доме коридорного типа, которую он получил после выпуска из детского дома, но в свою. Где нет ее папы, мамы и бабки. Старой ведьмы, которая при знакомстве с ним только что не плевала в его сторону. Впрочем, нос воротили и родители Марьяны.

На дворе — конец девяностых, как было не замутировать бизнес? Кормить свое сокровище нужно. Да и новым родственникам доказать... Что? Зачем? Работал же до этого на автомобильном заводе, на расширение жилплощади в очереди стоял. Но нет, ждать некогда! Начал с аренды гаража. Мелкий ремонт ходовой, шиномонтаж.

Однажды пригнали убитый в хлам «мерс» конца сороковых. Федор его чуть не языком вылизывал, каждую детальку. Мотался по районам и городам, доставал, мнялся, выкупал за собственные деньги. Когда закончил автомобиль, увидел восторг в глазах заказчика, понял, чем будет заниматься. К черту наш автопром, эти ведра с болтами, только иномарки! И как хобби для души — ретро-автомобили.

Через каких-то пять лет у него было уже два салона и СТО, квартира в центре стометровая, бело-розовая спальня в стиле шебби-шик, что б его, этот... шик! И было еще чудо — дочь: черноволосая, чернобровая, но светлоликая чертовка. Федор впахивал сутками, а жену-то упустил — спуталась Марьяна с дирижером оркестра — времени свободного полно, дочь с нянькой, а она гуляла-развлекалась. Чего не хватало?!

Убить хотел, но что-то дрогнуло внутри, отголосок той самой любви, наверное. Решил выгнать ее вон, но дочь Марьяне не отдавать.

Выгнать-то выгнал, но не по-доброму, сотворил тогда подлость, потом жалел, но назад отыграть уже было никак...

Через пару лет вдруг пришла к Федору бывшая теща и стала слезно умолять разрешить видеться с внучкой. Пожалел женщину, одна осталась — муж бросил (слинял к молодой аспирантке), мать, карга старая, отправилась к праотцам. Да и Федору одному с Аксиньей тяжело было справляться, няньки приходящие как одна не нравились ни ему, ни малышке. Попросил как-то от безысходности тещу посидеть с внучкой, вернулся вечером из

офиса — дома вкусно пахнет, ребенок весел, чистота кругом. Вскоре перевез тещины вещи к ним, чтобы не оплачивать каждый день такси с другого конца города. Свою квартиру та сдала, деньги от аренды внучке на счет стала складывать — на приданое. Федор только удивлялся — куда спесь и гонор профессорской жены подевались? Он матери не помнил, а тут чужая совсем женщина стала ему как мать. А уж в ребенке бабушка души не чаяла. Жили втроем, чинно-размеренно, но недолго — Ксюха еще в школу не пошла, как бабушка умерла. И снова: то нянька очередная, то милосердная соседка...

А для него — временные подруги, так, для здоровья...

Неожиданный звук отвлек его от воспоминаний. Это был скрип балконной двери. Порыв ветра?

Когда Федор убрал от лица стакан, то увидел, что перед ним стоит высокий мужик, одетый в черное. На голову была натянута балаклава.

— Ты еще кто такой? Бэтмен? — без страха, со смешком спросил Федор, ставя стакан на стол. — Ну?! Чего молчишь? Ты как прокрался в здание? Охрана спит, что ли? — потянулся он к тревожной кнопке под столешницей.

Но тут же убрал руку, потому что незванный гость резко стянул с головы балаклаву.

— Не может быть... Явился-таки! Значит, решился... Прав Геныч оказался, — усмехнулся Федор: вот еще одна проблема до кучи. — Выходит, не устраивает тебя наше предложение? Что, совсем прижало? Столько лет не вспоминал, с чего вдруг?

— Не твоя печаль, Яма! — скривился гость. — Отдай по-хорошему, и я уйду. Только твоя доля осталась.

Глядя на его кривую ухмылку, Федор вдруг разозлился.

— А что будет, если скажу нет? — с угрозой спросил он и тут заметил в руке незваного гостя пистолет.

Федор приподнялся с кресла. Пошатнулся и, чтобы позорно не плюхнуться обратно, рукой оперся о стол. «Набрался-таки шипучки. Голова гудит, ноги не идут», — подумал невесело и сделал шаг вперед.

Плечо обожгло так неожиданно, что раздавший перед этим хлопок он с возникшей болью поначалу не связал. Машинально схватившись правой рукой за раненое плечо, он с удивлением посмотрел на гостя.

— Совсем берега попутал, бандюга? — тихо, с угрозой произнес он.

— Теперь дошло, что не шучу? Где они? — сделал тот пистолетом круговое движение. — В сейфе?

— Зря сюда пришел, я такие ценности в офисе не храню, — усмехнулся Федор и тут же себя обругал: теперь эта скотина завалится к нему домой. Хорошо, семейство он вчера отправил к морю! И дочь... выгнал...

— Неужели в квартире? Там у тебя целый табор, не боишься, что найдут? Или просто время тянешь? Где ключ от сейфа, Яма?

— В кармане. В сейфе только бумаги... — Федор сделал еще один шаг. Кнопку он нажать не успел, второй выстрел прозвучал не так глухо. Или Федор уже ждал его? Скорее, да... На этот раз обожгло ногу выше колена. Он машинально сделал пару шагов, но упал, больно уда-

рившись виском об угол стола. Сознание не потерял, но боль была такой сильной, что не смог удержаться от сто-на. Федор собрал силы и сел, прислонившись спиной к тумбе стола.

Он спокойно сидел, пока гость шарил по карманам. Потом наблюдал, как тот, сидя на корточках, открывает сейф, копается в нем. Потом вдруг замирает, насторожившись, потому что стали слышны шаги бегущего человека.

— Черт! — незванный гость поднялся в полный рост.

В том, что бандит не убьет его, пока не узнает, где тайник, Федор не сомневался. Он должен понимать, что мертвый он уже ничего не скажет.

Но, как оказалось, он ошибся. Глядя на наведенное на него сверху вниз дуло, Федор вдруг ясно осознал, что теперь сделать ничего не успеет. Даже, если дотянется до тревожной кнопки, этот придурок выстрелит и в третий раз. Только в упор и наверняка. Но попытаться стоило. Федор вновь собрал силы и дернул здоровой рукой за ногу гостя. Тот упал, одновременно прозвучал и выстрел. На этот раз пуля угодила Федору в бедро. Он видел, как преступник вскочил и рванул к балконной двери. В руках он держал ноутбук Федора и его же барсетку, в которой лежали ключи от квартиры, водительские права и фотография дочери. В запертую еще Федором дверь заколотили, потом с громким щелчком повернулся в замочной скважине ключ.

— Федор Андреевич, вы меня слышите? Я вызвал скорую и полицию, уже едут. Держитесь! Пойду их встречу! — суетился рядом с ним пожилой охранник. —

Я пошел, да? Только вы не умирайте! — крикнул тот на бегу и скрылся за дверью.

А Федор был уверен, что умирает. И не от нанесенных гостем ран, а от начавшегося сердечного приступа. До таблеток не дотянуться, они в ящике левой тумбы стола. Даже если попытаться проползти эти пару метров... Но сил уже не осталось. Федор закрыл глаза. Боль усиливалась, казалось, болит все тело, каждая клеточка, а пульсации резкими толчками отдают в мозг. Федор почувствовал страх. Это была не боязнь близкой смерти, а сожаление, что не успел покаяться. Попросить прощения у дочери за ее мать, которую выгнал вон так жестко, и за то, что сегодня фактически выгнал из дома и ее...

Федор услышал приближающиеся шаги, кто-то громко топал по лестнице. Последнее, что увидел — мужчину в голубом костюме фельдшера скорой помощи. «Опоздали, господа», — еле выговорил он и закрыл глаза.

Глава 1

Аксинья, не обращая внимания на Толика, который что-то говорил, торопливо открыла электронную почту. Пока они поднимались по лестнице, оповещение о полученных письмах прозвучало на мобильном дважды. Поэтому, как только они вошли в квартиру, Аксинья бросила чемодан на диван, достала из него ноутбук и расположилась за столом.

Она вернулась в родной город из столицы, где потеряла разом все — жениха, работу и подругу. Банальность произошедшего ее просто убила: ну, ладно, изменил, но с кем! С Жанкой! Которая не только подруга, а еще и партнер по бизнесу, который они вдвоем выстраивали два года! И теперь, когда все налажено-отлажено до последнего штриха — сайта, эти двое — Жанка и Вадик подложили «свинью», как считала Аксинья, всем троим. Послав в пень обоих «бывших», она выдернула свои деньги из общего дела, собрала вещи и рванула домой к отцу.

Зря она готовила сюрприз папочке, тот, оказывается, с подарком ее опередил: с порога выяснилось, что в их квартире плотно обосновалось длинноногое, глазастое и грудастое чудо — его секретарша Мила. Опять же, бог бы с женщиной, но, если б была нормальная тетка папных лет, желательна умная, образованная и приятной наружности! Но Милорада Светличная и лицом, и фигурой, и статью походила на единственную уцелевшую в городском парке скульптуру сталинских времен — девушку с веслом. Почему возникла именно такая ассоциация при первой же встрече с Милой в приемной офиса отца, Аксинья не задумывалась. Но первое мнение оказалось точным: схожесть с мраморным изваянием была потрясающей, так как Мила двигалась мало и неторопливо и часто застывала на одном месте в нелепой позе, например — с приподнятой рукой, в которой были документы. Или еще — с лейкой возле кадки с пальмой. О чем думала в этот момент, было загадкой. Лицо ее при этом выглядело особенно неживым. Оно и так-то у нее было бледным и аккуратно вылепленным природой: придраться было

не к чему: размер и форма его черт были классически идеальны. Пожалуй, чем и отличалась Мила от парковой статуи — размером груди: девушка с веслом, оживи она хоть на миг, позавидовала бы Милораде однозначно. Впрочем, над грудью, вероятнее всего, поработала не природа, а вкаченный хирургом силикон.

Почти что в молчании (ее вопросы без ответа отца не в счет) выпив с папой кофе, Акси́нья подхватила чемодан и двинулась к своей комнате — ну, потерпит она и Милораду, раз папуле приспичило. В крайнем случае, закроется от них на своей территории. Но ее остановил робкий голос отца. Ее детская оказалась занятой малолетней дочерью Милорады. Этот, второй, сюрприз родителя оказался для Акси́нии более болезненным. Но третий — наличие в няньках ребенка сразу двух Светличных — матери и бабки Милы, которые квартировались здесь же, добил окончательно.

Были бы те в тот момент в квартире, Ксю не сдержалась бы, высказалась. Но она лишь слегка прослезилась с досады. Предательство жениха и подруги, видимо, ее уже закалило, поэтому, бросив на отца полный упрека взгляд, она подхватила чемодан и шагнула за порог квартиры, где выросла. Правда, сняв с ключницы ключ от ее единоличной собственности — дачного дома. Отец не сказал ни слова и не остановил...

И надо было ей в подъезде столкнуться с Толиком Снегиревым, другом ее детства! Он как раз спускался от своих родителей, которые жили этажом выше.

Толик быстренько уговорил ее на пустую бабулину однушку в соседнем доме, несмотря на то, что после ее отъ-

езда в Москву Аксинья с ним прекратила общение совсем. Московская жизнь закрутила, звонки друга она сбрасывала (а о чем с ним говорить?), не отвечала и в мессенджерах, получилось — она вычеркнула его из своей жизни...

— Ксю, откуда у тебя такая... ммм... штучка? — услышала Аксинья голос Толика. Тот опять возник у нее за спиной, неслышно подкравшись.

— Ты о чем? — не отрываясь от экрана ноутбука, спросила она: письмо, которое она читала, было длинным, но бестолково написанным на эмоциях бывшей подругой. Но в нем содержалась нужная ей информация.

Господи, как же он ей мешал, этот друг детства, давно ставший далеким и ненужным. Мрак! А выгнать из комнаты не получится — его территория.

Аксинья обернулась, чтобы посмотреть, что за «штучку» вертит в руках Толик. Это была фигурка шахматного коня. И Ксю ее точно видела впервые.

— Ты где ее взял?! — набросилась она на друга.

— Из чемодана твоего взял! Из открытого! А че, не твое это? На, глянь поближе, — Толик сунул ей в руку фигурку.

Аксинья вдруг покраснела: чемодан она оставила на диване, все вещи в нем лежали вперемешку, как покидала еще в московской квартире. А этот недоумок в нем рылся, что ли?

— Ну? — От нетерпения Толик только что не приплясывал.

— Не мое! — с удивлением заметила она.

— А чье? Стырила где по-тихому? — глупо хихикнул тот.

— Дурень, не суди по себе, — спокойно, без эмоций выдала Акси́нья и поставила шахматного коня на ладонь. Фигурка, высотой сантиметров пять, была выточена из какого-то белого камня и оказалась довольно тяжелой. Тонкая витая нить из желтого металла обвивала ее по спирали, между витками были вставлены прозрачные стразы, глазницы коня сверкали «сапфирами», а округлое основание обрамляло кольцо из «рубинов».

— Иди ж ты! Золото, брильянты! Стоит, наверняка, немерено баксов, — раздался взволнованный шепот рядом с ее ухом.

— Какие бриллианты, Толик? Стразы, металлические нити.

— Да ты что! Ты глянь внимательно — коню этому сто лет, не меньше! Ухо вон чуток отбитое. — Толик взял с ее ладони коня и перевернул его. — Бархатная наклейка, смотри, вся истерлась!

— Вытерлась, — машинально поправила Акси́нья, признавая его правоту.

И задумалась. Как и когда конь мог оказаться в ее чемодане? В московской съемной квартире, где они жили с Вадимом, она собиралась в одиночестве, то есть положить фигурку в чемодан самолично не могла. Или могла? Машинально вынув из ящика комода, где держала всякую канцелярию. Что она там доставала? А... печать их с Жанкой совместного «ООО». Взяла, больше не доверяя «бывшим» ни в чем! Мало ли какие документы те могут состряпать, подпись у Акси́ньи немудреная, две